

«У нас с тобою было два балкона, и между ними – крытый переход. С них далеко видна была вперёд вся необъятность небосклона. Когда в закате воздух недвижим и точно полон розовой пыли, то над моим летать стрижи любили, и ласточки селились над твоим. Люблю тебя за все – люблю за хрупкость стана, за выражение глаз, за бледность нежных щек, люблю за то, что тайна и намёк – всё дышит сказкою рассветного тумана». Эти строки известная в начале двадцатого века поэтесса и переводчица Татьяна Львовна Щепкина-Куперник, внучка знаменитого актёра Щепкина, посвятила своей подруге Марии Всеволодовне Крестовской, назвав стихотворение «Той, которой нет».

Мария Всеволодовна Крестовская была дочерью писателя Всеволода Владимировича Крестовского, прославившегося романом «Петербургские трущобы».

Всеволод Крестовский родился 11 февраля 1840 года в Киевской губернии. Он происходил из старинного дворянского рода. Его отец Владимир Васильевич воевал в Крымскую кампанию в Севастополе офицером уланского полка, затем вышел в отставку. Всеволод Крестовский окончил курс наук в 1-й гимназии, и в 1857 году поступил на историко-филологический факультет императорского Университета. Однако окончить университет не удалось – спустя два года, семья разорилась, и юноша вынужден

Т.Л. Щепкина-Куперник
(1874–1952)

был, оставив учебу, зарабатывать на жизнь литературной подёнщиной в журнале «Русское слово» Аполлона Григорьева. Он также давал уроки за курс гимназии чиновникам, желавшим сдать экзамен на первый чин (14 класс) коллежского регистратора. Одним из первых учеников Крестовского стал 19-летний помощник полицейского надзирателя Сенного рынка Иван Дмитриевич Путилин. С разрешения своего начальника следственного пристава К.К. Галахова, Иван Путилин начал знакомить молодого литератора с миром криминалитета столицы и полицейской службой. Крестовский нередко выходил вместе с полицейскими на облавы, участвовал в допросах. Он также получил доступ к судебно-полицейским архивам.

В 1860 году Всеволод Крестовский женился на молодой актрисе Варваре Дмитриевне Гринёвой. По причине бедности они поселились на пустующей даче на Петровском острове, где мебель заменяли ящики, а кровати – копы сена. Тем не менее, Крестовские нередко принимали гостей. Здесь бывали художники братья Маковские, писатель Николай Лесков, скульптор Микешин. Нередко Крестовский водил своих друзей «на натуру», как он называл это. Одевшись в нищенские лохмотья, они посещали злачные места Санкт-Петербурга – Вяземскую лавру, трактир «Ерши» у Аничкого моста. Эти «походы» частенько заканчивались драками, так как завсегдатаи легко вычисляли чужаков.

Как знаток скрытых подземных убежищ криминалитета Крестовский привлёк внимание Третьего отделения Канцелярии Его императорского величества – писателя включили в состав комиссии по исследованию подземелий Варшавы, где скрывались участники восстания 1863 года. В Варшаве в том же году Крестовский начал писать роман «Петербургские труппы». Роман публиковался в журнале «Отечественные записки» в 1864–1866 годах. Книга имела большой успех и сделала Крестовского популярным и модным писателем.

В 1863 году Всеволод Крестовский расстался со своей женой Варварой Дмитриевной. Дочь Маша, которой к этому моменту едва исполнился год, воспитывалась у бабушки, затем поступила в Смольный институт. Всеволод Крестовский мало интересовался судьбой дочери. В июле 1868 года он добровольно поступил на службу в 14-й Уланский Ямбургский полк, совмещая службу строевого офицера с деятельностью журналиста и писателя. В чине поручика, спустя два года, он был прикомандирован к Главному штабу русской армии в Санкт-Петербурге с заданием на-

писать историю полка. Крестовский, по-прежнему, выполнял особые поручения Третьего отделения, использующие его связи с криминальным миром, и за заслуги вскоре был переведен в Лейб-гвардии Уланский полк в том же чине.

С момента начала русско-турецкой войны в 1877 году писатель – на воюющих Балканах. Он был прикомандирован к штабу Дунайской армии как главный редактор армейской газеты «Военно-летучий листок». На Балканах он познакомится с генералом М.Д. Скобелевым. Благодаря связям, Крестовский получил право беспрепятственного въезда в ближайшие армейские тылы и не раз участвовал в схватках – в штурме Траянова перевала на Шипке, в рейде кавалерийского отряда Струкова до Андрианополя в феврале 1878 года.

К концу войны Всеволод Крестовский уже штаб-ротмистр, он награждён орденом св. Анны 3 степени, св. Станислава 3 степени с мечами, св. Владимира 4 степени с мечами, а также орденами Сербии, Румынии, Черногории.

По окончании боевых действий на Балканах Крестовский направляется в качестве военного журналиста и «секретаря для военно-сухопутных сношений» в эскадру Тихоокеанского флота под командованием адмирала С.С. Лесовского.

С 1884 года он был причислен к Министерству внутренних дел и назначен редактором газеты «Варшавский вестник»

Тем временем, окончив Смольный институт, дочь писателя, Мария Всеволодовна Крестовская оказывается предоставленной самой себе. Девушка мечтает о карьере актрисы и отправляется в Москву. Там она без всякой протекции сразу поступает в знаменитый театр Фёдора Корша, и, спустя два года, уже даёт первый бенефис на гастролях в Ростове.

У молодой талантливой актрисы множество поклонников, одному из них удалось завоевать её сердце. Избранником Марии стал немолодой худож-

Мария Крестовская.
Портрет И. Репина

ник-передвижник Николай Флорианович Добровольский, друг Репина и Перова. Его работы часто представлялись на выставках, ими восхищался меценат Третьяков, он приобрёл несколько картин для галереи.

Николай Флорианович был против церковного брака, и Мария согласилась стать его гражданской женой. Они поселились в Мартышкино под Санкт-Петербургом на берегу Финского залива. Здесь в 1883 году появился на свет внук писателя, названный в честь деда Всеволодом.

Как и многие представители интеллигенции того времени, Николай Флорианович участвовал в подпольных революционных кружках и за антиправительственную деятельность в 1884 году был сослан в Сибирь. Мария сразу решила следовать за супругом и, отдав годовалого сына в пансион, незамедлительно отправилась в путь. Однако её присутствие в Сибири уже не входило в планы Николая Флориановича, и он без обиняков попросил её уехать, и больше не вспоминать о нём.

Актриса вернулась в Петербург, но выступать на сцене больше не могла, так как на руках у неё был маленький ребёнок. Сына Всеволода она с трудом вернула из пансиона, благодаря помощи знаменитого юриста А.Ф. Кони, который с тех пор стал её советчиком и другом.

Чтобы заработать на жизнь, Мария Всеволодовна по совету Кони, прочитавшего её небольшие рассказы, написанные для себя, занялась литературой. Вскоре журналы наперебой просили её произведения – лирические рассказы, повести, главы из романов.

Мария Всеволодовна стала популярна. Она посещала литературные салоны и вечера. Современники отмечали её веселый нрав, привлекательную внешность. «Сверкая изумительными фиалковыми глазами, она легко располагала к себе людей, – вспоминал один из них. – К тому же за ней тянулся шлейф загадочности, недосказанности, романтики: талантливая писательница с разбитым сердцем».

Мужчины увлекались Марией Всеволодовной. На одном из собраний она познакомилась с банкиром Евгением Эпафродитовичем Картавцевым, который был старше её на десять лет. Картавцев полюбил Марию Всеволодовну с первого взгляда, но обвенчаться с ней не решался вплоть до 1891 года, так как очень боялся пересудов в обществе, ведь у Марии Всеволодовны имелся незаконнорождённый сын, который по законам империи не имел права учиться в гимназии или поступать в университет.

Только спустя четыре года после знакомства, Картавцев решился сделать Марии Всеволодовне предложение. Венчание состоялось 20 апреля в церкви Всех скорбящих радость на Шпалерной улице в Санкт-Петербурге. Евгений Картавцев усыновил юного Всеволода, определив его на обучение в Морской корпус, и исполнил давнюю мечту писательницы – купил большой участок земли на побережье Финского залива, чтобы построить загородный дом. Усадьба «Мариоки» стала самым знаменитым произведением дочери Всеволода Крестовского, прославив её не меньше, чем повести и романы.

«Вначале мы хотели поселиться в Териоки (современный Зеленогорск, – В. Д.), – вспоминала позднее Мария Всеволодовна. – Но летом Териоки были густо заселены, а мне хотелось уединения. Я ехала вдоль залива по Приморской дороге мимо рыбацких посёлков. И меня уже охватило отчаяние – ничего не подходит! Как вдруг я увидела красивую высокую гору, я поднялась на неё и увидела на противоположной стороне залива сияющие на солнце купола соборов Кронштадта. «Вот место, где я буду хозяйкой!», – с радостью воскликнула я».

Гора, приглянувшаяся Марии Всеволодовне, в древности была берегом моря, и поэтому её красиво окаймляли округлые гранитные валуны. Местечко называлось Ваммельсуу. Недалеко от горы протекала Чёрная речка (Ваммельйоки), получившая название за тёмно-коричневую воду, богатую железом. Река впадала в Финский залив. На старинных шведских картах она обозначалась как «путь святой Бригитты» и служила частью пути «из варяг в греки».

Своё имение Мария Всеволодовна назвала «Мариоки», соединив в названии часть своего имени и название ближайшего городка Териоки. Для строительства дома она пригласила известного петербургского архитектора Евгения Петровича Вейнберга. Мария Всеволодовна принимала активное участие в проектировании дома и следила за строительством – Евгений Картавцев не ограничивал её в средствах. В результате получился красивый двухэтажный деревянный особняк, «полный воздуха и света» по воспоминаниям тех, кто в нём бывал.

Мария Всеволодовна прожила в имении Мариоки шестнадцать лет. Предметом её гордости был парк, прославившийся своими сосновыми аллеями, бесчисленными «островками» цветущей сирени, розарием и многими экзотическими видами растений, которые выращивали в оранжерее.

Начиная с апреля, и до глубокой осени Мария Всеволодовна принимала в Мариоки гостей. Некоторые подолгу жили здесь, как например, А. Ф. Кони или Т.Л. Щепкина-Куперник. На виллу приезжали В. Короленко, Л. Андреев. Илья Ефимович Репин частенько гостил в Мариоки и дважды писал портрет Марии Всеволодовны. Все гости были очарованы именем и самой хозяйкой. «В году 1900 я познакомилась с русской лирической писательницей Марией Всеволодовной Крестовской, – писала в книге «Разрозненные страницы» Т.Л. Щепкина-Куперник – После замужества она отошла от литературы. Усадьба её в необыкновенно красивом уголке Финляндии дала мне много тем для вдохновения. Здесь я попала в настоящую природу, длительно и радостно погрузилась в неё. Незабываемые утренние часы, когда с самого момента пробуждения, выходя на балкон, я вглядывалась в глаза моря». «Хозяева в Мариоках неназойливы, – отмечал А.Ф. Кони. – Их главная забота приютить и накормить, а дальше каждый предоставлен сам себе – с кем хочешь, с тем и общаешься, как хочешь, так и проводишь время, благо пространство позволяет». «Нигде не было такой великолепной сирени, как в Мариокомском парке, протянувшемся на сорок десятин, – восхищалась Т.Л. Щепкина-Куперник, – таких огненных азалий, пылавших как живые костры в июньские белые ночи, таких изящных, красивых кленов, пестролистных ясеней и лиственниц».

В 1907 году, как будто подводя итог многолетнего труда, Мария Всеволодовна написала подруге: «Мариоки ещё никогда не были так прекрасны как нынче, не говоря уже о парке и цветах, которые всё улучшаются и размножаются. В это лето прибавился водопровод по всему дому и саду, прелестный фонтан на широком газоне перед домом. В парке над рекой прибавилось несколько каменных лестниц, и они служат предметом гордости для местных, даже и для крестьян. Одна из лестниц – семьдесят шесть ступеней с шестью площадками ведёт из верхнего парка в нижний, который располагается вдоль реки. С каждой площадки открывается чудесный вид на сорок верст окрест, на каждой по две каменные скамьи с каменными клумбами, полными цветов по обеим сторонам. А наверху на самой верхней площадке – огромная полукруглая скамья в греческом стиле. За ней позднее будут статуи фавна и нимфы, а пока посажены пламенные азалии, розы, виноград. В конце лестницы у реки начинается широкая аллея. По обеим сторонам её посажены яркие многолетники – маки, флоксы, дельфиниумы. Пересекается эта аллея гигантской группой сирени в круглой каменной чаше и заканчивается такой же полу-

круглой скамьей в греческом стиле, как наверху. Все, кто ни приезжает, ходят и восхищаются, лстя моему авторскому самолюбию, – признавалась она. – Всё лето я работала, не покладая рук над этим. Выписала из Голландии и Франции и посадила одних корней около шести тысяч, провела сотни новых дорожек и аллей, чтобы сделать парк шире. И теперь любуюсь плодами своего труда». «Это чудное место, о котором я могла бы писать томы, – признавалась в ответ Т.Л. Щепкина-Куперник. – Я посвятила ему множество стихов, собранных под названием «Сказки Мариок». И могу признаться, что с Мариоками связана самая прекрасная сказка моей молодости». «Тихий, тёплый ароматный, ароматный ветерок. Стройных сосен шум невнятный – это сказки Мариок. Гладь лазурного залива и светла и молчалива. Купол неба так высок. Море с небом сливши краски точно дремлет, полно ласки, и не знаю лучшей сказки тихой сказки Мариок».

К сожалению, счастливая беззаботная жизнь имения длилась недолго – она была нарушена тревожными событиями. В 1904 году в Ваммельсуу началось строительство Николаевского форта, который должен был укрепить защиту Петербурга с моря, что значительно испортило ландшафт. А в 1905 году началась русско-японская война, и мимо имения Мариоки на бой с японцами прошла эскадра адмирала Рожественского. В её составе на крейсере «Светлана» на войну отправился сын Марии Всеволодовны мичман Всеволод Картавцев. А спустя некоторое время до Мариок долетело известие, что эскадра похоронена на дне Японского моря, и Всеволод погиб.

Мария Всеволодовна тяжело переживала гибель сына, и это послужило началом её смертельной болезни. Правда, через три месяца обнаружилось, что Всеволоду... удалось спастись, и он вернулся в Мариоки. В тот год Мария Всеволодовна приняла решение построить в Мариоках церковь и монастырский скит в честь иконы Всех скорбящих радость, так как именно эта икона считалась покровительницей всех спасшихся на водах.

В Россию Всеволод Картавцев вернулся героем и в Мариоки встретился со своей давней возлюбленной Мартой фон Хаартман. Марта фон Хаартман происходила из богатого финско-немецкого рода. Её отец Рафаэль фон Хаартман строил дороги и владел казино в городке Териоки, где молодёжь по вечерам развлекалась танцами.

В Териоках семья Марты имела богатую виллу «Алиса», которую Рафаэль фон Хаартман построил в 1895 году. Вилла нахо-

дилась в живописном еловом бору, в ней насчитывалась дюжина комнат для гостей. Особую привлекательность строению придавали две большие веранды, по размеру сопоставимые с домом.

Всеволод Картавцев и Марта познакомились в 1902 году – родители частенько ездили друг к другу в гости. Виллы «Алиса» и «Мариоки» разделяло всего четырнадцать километров. Всеволод влюбился в Марту с первого взгляда, однако она была увлечена другим молодым человеком, и молодой офицер получил отказ.

С Михаилом Кирпичёвым Марта познакомилась на танцах в 1901 году, за год до знакомства со Всеволодом. Молодой человек оказывал ей знаки внимания, красиво ухаживал за девушкой, однако предложение сделал только после смерти отца Марты в 1905 году. Свадьба состоялась в день Цусимского сражения, и по совпадению именно в тот момент, когда Марта стояла под венцом, в корабль «Светлана», на котором воевал Картавцев, попала японская граната, и он начал тонуть. Всеволод Картавцев семь часов дрейфовал в море, пока его и его спасшихся товарищей не подняли на борт представители Японского Красного креста.

Марта же ничего не знала об этом, её увлекала будущая семейная жизнь, которая оказалась...крайне неудачной. Вскоре выяснилось, что Михаил Кирпичёв был гомосексуалистом, а за Мартой «охотился» только ради денег её отца, которые были ему необходимы для карьерного продвижения.

В 1907 году Марта получила развод с Кирпичёвым и приняла предложение Картавцева. Однако свадьбу пришлось отложить – у Марии Всеволодовны обнаружили рак, и она выехала в Германию, где ей сделали операцию. После операции врач сказал Евгению Картавцеву, что больше сделать вряд ли удастся, и передал Марии Всеволодовне игрушечного медвежонка, который по его словам должен стать её «лекарством и утешением». Этот медвежонок, как верила Мария Всеволодовна, подарил ей ещё два с половиной года жизни в Мариоках

В ноябре 1908 года состоялась свадьба Всеволода Картавцева и Марты фон Хаартман. Как ни странно, Мария Всеволодовна на венчание сына не пришла, и не позволила явиться туда супругу. Она стала очень отрицательно относиться к Марте, едва та сделалась официальной невестой Всеволода, тогда как очень радушно относилась к ней, пока они были чужими. В автобиографической книге, выпущенной уже в эмиграции, Марта фон Хаартман обвиняла Марию Всеволодовну, что та ревновала её не столько к сыну, сколько к имению, понимая, что после её смерти, уже ставшей не-

избежной, Марта станет новой хозяйкой её любимого детища. До смерти Марии Всеволодовны Марта практически не появлялась в Мариоках, и только спустя полгода после кончины супруги Евгений Картавец пригласил невестку жить там.

У Марты и Всеволода родилось двое детей – дочь Светлана и сын Игорь. Всеволод очень хотел назвать дочь в честь погибшего корабля, но такого имени в святцах не было, и пришлось спрашивать разрешение в императорской канцелярии, чтобы дать ребёнку именно это имя.

Мария Всеволодовна внучку увидеть не успела – у неё обострился рак, и она умерла в июне 1910 года. Евгений Картавец был безутешен. Он поклялся выполнить все заветы супруги, и в первую очередь достроить церковь, которая должна была стать ей надгробием. На могильном камне Евгений Картавец оставил надпись, которую можно прочесть и в наши дни: «При жизни недостаточно любил и лелеял тебя, дорогая Марьюшка, зато после смерти исполню все твои мечты и заветы. Твой Евгений».

Так как Мария Всеволодовна не хотела, чтобы хозяйкой Мариоки стала её невестка Марта, она позаботилась об этом, составив завещание, по которому на месте имения Мариоки после смерти Евгения Картавцева должна была быть организована «лечебница для выздоравливающих представителей интеллигенции Петербурга, которые не могут позволить себе лечение за границей».

Все заветы Марии Всеволодовны свято исполнялись до 1939 года, пока Мариоки находились на территории Финляндии, даже после того, как члены семьи уехали в эмиграцию. В Мариоки был оставлен слуга, который тщательно следил за имением. В 1961 году в одной финской газете был опубликован рассказ жителя Ваммельсуу Вяйно Пюи, которому довелось, наверное, последнему, увидеть Марию Всеволодовну в 1932 году.

Юношей Вяйно Пюи работал помощником управляющего имения Мариоки, поляка по происхождению, Николая Францевича Череп-Спиридовича, и как-то вместе с ним спустился в склеп, где находился гроб хозяйки имения Мариоки.

Вяйно Пюи подробно рассказывал, как управляющий отпирает тяжёлую металлическую дверь, которая вела в погребальную камеру, как изнутри донёсся затхлый запах земли, и огонь свечи в руках управляющего задрожал, так что казалось, они вот-вот окажутся в полной темноте.

Когда они вошли в подземную комнату, Вяйно сразу увидел катафалк с гробом, а в углу – икону Всех скорбящих радость,

перед которой Николай Францевич прочёл заупокойную молитву. Пока управляющий читал, Вяйно подошел к катафалку и взглянул на Марию Всеволодовну. «Она лежала совершенно нетронутая тлением, как будто спала, – вспоминал финн. – Только причёска, сделанная по старинному образу, выдавала, что она находится здесь уже давно. Мне стало жутко, хотелось скорее уйти. Когда же сторож закончил читать молитву, и мы направились к выходу, я обернулся и ещё раз посмотрел на неё. Мне показалось, что она улыбнулась. Я почти бегом поднялся по лестнице наверх. Больше я никогда туда не спускался».

На Марьиной горе перед домом Евгений Картавцев поставил бронзовый памятник жене. Скульптор Лишев изобразил Марию Всеволодовну в годы расцвета. Она как будто присела отдохнуть на камень, а рядом с ней сидит её любимый плюшевый мишка, который служил ей утешением в страданиях.

Этот памятник получил название «Могила любви», и к нему финские молодожёны вплоть до 1939 года приходили, чтобы принести клятву любви и верности, это стало традицией в этих местах. Также воплощением памяти служила и замечательная белая церковь, возведённая по проекту И.А. Фомина Всех Скорбящих радость. По указанию епископа Петербургского Сергия Страгородского, освящавшего церковь в 1916 году, здесь был основан монашеский скит, «дабы молитвы о хозяйке имения не прекращались».

Увы, после присоединения этой части Финляндии к СССР имение Мариоки практически перестало существовать. Церковь и монашеский скит, выстоявшие даже при артобстреле во время войны, были взорваны – от них остались только фрагменты ограды. Дом, парк, прилегающее кладбище с могилой писателя Л. Андреева, похороненного в Ваммельсуу – всё было разрушено и подвергнуто разорению. На Марьиной горе вместо усадьбы Мариоки советские власти возвели трамплин, а прилегающую к нему территорию отдали под спортивную базу.

Только после 1991 года, когда спортивную базу закрыли, началось возрождение этого исторического места, где в настоящее время организован музей и заповедник. Многие приезжающие на Карельский перешеек гости с удовольствием посещают парк Мариоки, который постепенно реставрируется, отмечая совершенно особый микроклимат, царящий здесь. На Марьиной горе почти всегда тихо, нет ветра, поют и щебечут птицы.

«Если вы будете на месте моего имения, – записала Мария Всеволодовна незадолго до смерти для друзей, – пройдите по его

аллеям. И если вам на плечо сядет бабочка или над вами пролетит птица, знайте, это моя душа к вам вернулась. Я навеки останусь там, и там мы снова встретимся».

Судьба наследников Марии Всеволодовны сложилась драматически. Всеволод и Марта Картавцевы жили в Мариоки вплоть до революции 1917 года. Всеволод участвовал в Первой мировой войне. В 1916 году он был назначен командующим Дунайской флотилии и в этой адмиральской должности встретил революционные события.

В октябре 1917 года он сразу же телеграфировал Марте, чтобы она немедленно выезжала с детьми в Крым, в Алушту. Понимая опасность, Марта собралась очень быстро и покинула Мариоки. Существует легенда, что, так как все банки были закрыты, а взять с собой Марта могла только ограниченное количество вещей, большинство драгоценностей, которыми Евгений Картавцев осыпал Марию Всеволодовну, и которые достались Марте по наследству, она спрятала в песчаной пещере на Марьиной горе, и они до сих пор там хранятся.

Однако прибыв в Крым, Марта узнала, что Всеволод больше не намерен жить с ней – у него есть другая женщина, и он просит развода. С тяжело больной дочерью Светланой, сыном и губернатором, Марте удалось сесть на корабль в Одессе и выехать в Константинополь. Через Турцию и Мальту, они добрались до Франции, где Марта встретила с матерью и братом. Туда же, спустя некоторое время, приехал и действительный статский советник Евгений Картавцев, которому удалось бежать из России. До конца своих дней он помогал материально Марте и внукам, в конце жизни практически потерял зрение и находился на попечении невестки. Конец, по её воспоминаниям, Евгений Эпафродитович встретил достойно, с присущей ему «славянской покорностью».

После смерти Евгения Картавцева Марта фон Хаартман переехала в Монако, где пережила Вторую мировую войну. В 1950 году она вышла замуж за своего соседа, владельца ресторанов Фокко Алтинг-Мееса, они поселились в новом доме в местечке Босолей на Лазурном берегу.

Внучка Марии Всеволодовны Светлана Картавцева в 1938 году вышла замуж за шведского офицера. Вместе они добровольцами участвовали в советско-финской войне 1939 года, причём Светлана служила снайпером. После войны вернулись в Швецию. Внук Марии Всеволодовны Игорь окончил университет во Франции и стал инженером, женился на француженке.

В 1972 году, за шесть лет до смерти, Марта фон Хаартман выпустила мемуары. Как следует из этой книги, о судьбе Всеволода Картавцева, её бывшего мужа, ей ничего не было известно. Однако другие источники свидетельствуют, что капитан второго ранга Всеволод Крестовский – Картавцев, как он стал именовать себя после революции, участвовал в гражданской войне на стороне белого движения, затем через Турцию перебрался в США, где жил вместе с женой Евгенией Михайловной Дэзи. Работал на разных работах. Скончался 6 апреля 1968 года.

В имение Мариоки никто из его бывших владельцев, потомков писателя Всеволода Крестовского, больше никогда не вернулся. Были надолго забыты и литературные труды, как самого Всеволода Владимировича, так и его дочери Марии Всеволодовны. Только в 1994 году состоялось триумфальное возвращение Крестовского к публике. По его знаменитому роману был снят сериал «Петербургские тайны», состоявший из сорока восьми серий и получивший популярность. Роли в сериале исполнили известные актёры Владимир Стеклов, Наталья Гундарева, Елена Яковлева. В 1998 году были дописаны ещё двенадцать серий под общим названием «Петербургские тайны. Развязка». Эти истории были сочинены уже современными авторами по мотивам произведений Крестовского. Трагический конец книги Крестовского в сериале был намеренно изменён, и зрителю представлено вполне счастливое завершение судеб главных героев повествования.

Санкт-Петербург

Памятник Марии Крестовской